

УДК 811.114

СИТУАЦИЯ СОМНЕНИЯ И СПЕЦИФИКА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. А. Нагорный

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

Статья посвящена рассмотрению сущности сомнения в концептосфере индивида. Анализируется коммуникативно-прагматическая ситуация сомнения и средства ее репрезентации в русском языке, а также модально-кваликативные смыслы в высказываниях с персуазивными частями. Доказывается, что универсальность сомнения как кваликативного смысла концептосферы человека базируется на универсальности ментальной операции сомнения, имеющей прямое отношение к языковой и концептуальной картинам мира социумов, сферам ментальности и оценки. Смысл «сомнение» характеризуется как динамичная система, предназначенная для решения поставленных перед говорящим актуальных задач.

Ключевые слова: сомнение, коммуникативно-прагматическая ситуация, модально-кваликативные смыслы, концептосфера, частицы.

Введение

Ситуативная сущность сомнения обусловлена тем, что концептосфера индивида базируется на комплексе динамических параметров, среди которых параметр персуазивной квалификации события является одним из наиболее универсальных. Сомнение как операция ментального уровня характерна для субъекта говорящего, мыслящего, чувствующего. Это операция, помогающая субъекту постичь действительность, высказать свое отношение к ней. Сомнение универсально по сути, поскольку оно применяется по отношению к любым явлениям, процессам, временным и пространственным координатам. Мотивация сомнения может быть различной, объекты сомнения ограничены объемом индивидуальных картин мира.

Основная часть

Попытки исследования сомнения как ментальной логической операции предпринимались неоднократно [1; 2]. В то же время достаточно очевидна фрагментарность лингвистических описаний этой проблемы, что обусловлено двумя основными факторами. Во-первых, сомнение базируется на целом комплексе аспектов характеристики предложения как языкового средства выражения мысли, поскольку сомнение является смыслом конкретизирующего характера, который развивается на основе базовых для него смыслов «возможность», «вероятность», «предположение». Во-вторых, в лингвистике пока, к сожалению, отсутствует выработанная системность в подходах к изучению сомнения как кваликативного смысла модусной сферы.

Как универсальная, операция сомнения оказывается, с одной стороны, характерной для субъекта вообще, вне зависимости от принадлежности последнего к тому или иному культурному, историческому или духовному социуму. С другой стороны, универсальность сомнения интегрируется с яркой специфичностью средств его выражения в национальных языках. Национальный менталитет вырабатывает оригинальные языковые и внеязыковые формы, средства и способы выражения сомнения. Данные языковые и внеязыковые факторы систематизируются в национальных языковых картинах мира и представляют собой упорядоченную сферу с четко проявленной ядерно-периферийной организацией.

С сомнением соотносится проблема исследования возможных миров [3, с. 39; 4, с. 28 – 39; 5]. Под возможным миром понимается мир, который возможен по отношению к действительному миру: то, что истинно в одном из миров, может оказаться ложным в другом. Для высказываний, в которых выражено сомнение, данная проблема особенно актуальна, так как использование формального языкового средства с семантикой сомнения увеличивает, с точки зрения говорящего, возможность проявления события в каком-то из возможных миров, а в другом – уменьшает. Для высказываний, выражающих сомнение, характерна речевая актуализация говорящим возможного мира, точнее нескольких

возможных миров, один из которых предлагается выбрать адресату. Для говорящего это важно, так как сомневаясь в чем-то, он «настроен» на результат осуществления операции сомнения в коммуникативном процессе, ожидает адекватного распознавания данной операции адресатом и желательного совпадения позиции адресата со своей собственной. Некоторые языковые средства, например, модальные частицы *едва ли*, *вряд ли*, *как бы* и т. п. являются экспликаторами как минимум двух возможных миров, где осуществление ситуации может либо совершиться, либо не совершиться. Предположение о потенциальной осуществимости противоположной возможности логически допускает возможность сомнения в том, что существование одного возможного мира в будущем субъектом исключается. Однако одновременно говорящим допускается и некоторая доля вероятности существования другого возможного мира, в котором результат осуществления ситуации будет, соответственно, другим. Поэтому сомнение в осуществлении события одновременно в двух возможных мирах не является для говорящего внутренне противоречивым. Персуазивация семантического пространства высказывания субъектом – это знак того, что наш мир, представленный как локация в координатах «я – здесь – сейчас», перцептивируется им как один из возможных миров. Возможное же состояние нашего мира в конкретное время t – это тоже возможный мир, при этом любое состояние любого возможного мира определяется конечным числом (множеством) истинных суждений на данный временной момент относительно этого мира. Говорящий пытается таким образом избежать коммуникативных лакун. Им допускается, что существует область миров, в которой результат сомнения будет максимально возможен, приближен к достоверному, потому что условия его реализации будут способствовать этому: *Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует* (Н. Гоголь); *-Почему вы будете рисковать моей жизнью? Разве я сама не отвечаю за себя?* (В. Головачев); *-Варвара! - сказал он в нос. - Неужели ты, в самом деле, уходишь от меня к Птибурдукову? - Ответа не было* (И. Ильф, Е. Петров). Напротив, имеется и вероятность осмысления события как ложного, не соответствующего действительности (Ср.: *- И я сомневаюсь, - пробормотал Костров, - Разве можно сплющить фотоаппарат о траву или кусты?* (В. Головачев); *Чувство тревоги было ему тогда незнакомо? Едва ли* (Ю. Манн)). В действительном же мире («здесь» и «сейчас»), где реальный, то есть фактический результат события говорящим не обозначен, данное событие будет характеризоваться только как относительно истинное.

Языковые показатели сомнения в сообщаемом могут являться показателями истинности или ложности отношений между предметами и явлениями действительности, но показателями всегда косвенными, так сказать, потенциальными, то есть такими маркирующими элементами, содержание которых «субъективно», преломляется через «точку зрения» индивида на событие. Относительность соответствия обозначаемых отношений критерию истинности/ложности – это основной параметр при сомнительной квалификации последнего говорящим. Языковые показатели авторского сомнения являясь продуктивным средством интенционального воздействия на адресата, могут корректировать в модально-персуазивном аспекте только возможный результат предполагаемого осуществления события в действительности, но не могут быть охарактеризованы при этом как смысловые элементы, способные влиять на установление реального соответствия логического высказывания критерию истинности/ложности. Их функция состоит в фиксации авторского сомнительного отношения к возможности трактовки связи между вещами как истинной или ложной: *- Я хочу просить покамест лошади у батарейного командира, да боюсь, как бы он не отказал мне. - Аполлон Сергееч-то – он произвел губами звук, выражающий сильное сомнение, и посмотрел на капитана. - Вряд ли* (Л. Толстой); *Едва ли это признак старости, предчувствие смерти, нет, я думаю, это у него от прекрасной человеческой гордости* (М. Горький); *Стареют лишь окружающие нас, такова уж человеческая натура. Модно ли изменить ее в этом, отпавном? Вряд ли* (Ю. Семенов); *- А не ведет ли нейтринная акупунктура к поражению психики? - Вряд ли, - ответил директор. - Комлин утверждает, что не ведет* (А. и Б. Стругацкие); *Как вы сюда попали? Ведь здесь в реке – мазут! Трава жива? - Едва ли* (В. Бережков); *- А здесь может быть разумная жизнь? - спросила Салли. - Вряд ли. Тестовые пробы ничего не обнаружили* (К. Булычев).

Отметим, что сомнение предполагает ряд обязательных характеристик: отношение факта к реальной действительности с точки зрения возможности и вероятности его осуществления; отношение факта к говорящему; отношение говорящего к возможности осуществления факта. Сомнение базируется на субъективно-авторском мнении и имеет своим выражением мысль о возможном несоответствии факта действительному («здесь» и «сейчас») положению вещей: – *Вот отвезу – и отойду. И совсем уйду. – Ну, брат, **навряд!*** (И. Бунин); – *А с Лизой в ссоре я? – Хоть тем могу я льститься, Что Лизе **вряд ли** он успеет полюбиться* (А. Грибоедов); *Рассказиками этими **едва ли** можно было прошибить здорового* (А. Солженицын).

Сомневаясь, говорящий лично, субъективно квалифицирует событие. Данная квалификация осуществляется «здесь» и «сейчас» как констатация недостоверности сообщаемого, вводит в предложение-высказывание оценочную модусную характеристику, накладывая ее на диктумное содержание предложения. Операция квалификации осуществляется, таким образом, субъектом относительно объекта квалификации, и в операционном ключе имеет собственный план содержания и план выражения.

План содержания сомнения как квалификативного смысла типичен в своей основе для национальных языковых картин мира. Частные отличия базируются на коннотативных факторах, обусловленных разного рода социальными, историческими и культурологическими условиями. Межкультурная универсальность сомнения как ментальной операции субъекта противопоставлена яркой специфичности языковых и внеязыковых средств выражения сомнения в национальных языках.

В плане выражения для русского языка характерна стройная ядерно-периферийная организация языковых средств, в состав которых включаются: знаменательные части речи с соответствующим значением (*сомневаться, сомнение, сомнительный, сомнительно* и под.); функционально-синтаксический способ (например, вопросительный тип конструкции); различные просодические средства; модально-сомнительные частицы (*вряд ли, едва ли*). Функционально-семантическое поле сомнительности – сложное, иерархически организованное образование с четко проявленным ядром и богатой периферией.

Смысл «сомнение», являющийся семантическим составляющим языковой ситуации недостоверности, включается в группу коммуникативно-прагматических смыслов. Данные смыслы – по сути модально-кваликативные, выражающие коммуникативно оформленный результат персуазивной квалификации события субъектом. Если логические смыслы «возможность» и «вероятность» основываются на объективных условиях возможного осуществления ситуации, то модально-кваликативные смыслы вводятся говорящим непосредственно для решения поставленной коммуникативной задачи. Это смыслы уточняющего характера, которые соотносятся с речевой ситуацией и определяют соотношение высказываемого и действительности в координатах «здесь» и «сейчас» в приложении на точку зрения говорящего. Смысл «сомнение» сконцентрирован на уточнении событийной или логической пропозиции предложения. Однако как сугубо «личностный» смысл, сомнение связано с действительностью в большинстве случаев опосредованно, а именно через логические смыслы «возможность» и «вероятность».

Собственно вероятность оказывает непосредственное влияние на развитие в речевом высказывании смысла «сомнение». Она часто трактуется в трудах по логике как «степень возможности появления какого-либо определенного события в цепи событий, в тех или иных определенных, могущих неоднократно повториться условиях» [1, с. 83 – 84]. Такое понимание вероятности было предложено Аристотелем, который рассматривал ее как силлогизм о возможно присущем [6, с. 142]. В сомнительном высказывании обозначается именно такая вероятность проявления события, точнее, фиксируется такая степень вероятности, которая базируется на более абстрактной категории – возможности. Вероятность – более конкретная в смысловом аспекте категория, чем возможность, хотя бы потому, что последняя допускает несколько вероятностей развития события, в том числе, например, возможность отсутствия чего-либо в действительности, прямо влияющую на актуализацию в высказывании авторского сомнения. Кроме того, вероятность направлена на актуализацию конечного результата ситуации, которая уже имеет, имела или будет иметь место в действительности [7, с. 40, 43 – 44]. Таким образом, категория вероятности характеризует возможную связь между условиями и тем событием, которое может появиться при этих

условиях. Следовательно, вероятность влияет на развитие «сомнительных» смыслов высказывания: – **Небось** и не придет больше, – терзался сомнениями сосед (Ю. Тупицин); *Мы познакомились с Сашей в Энке много лет тому назад и с тех пор виделись **едва ли** три-четыре раза* (В. Каверин); – **Авось** что-нибудь скумекаем, – с сомнением протянул Степан (газет. текст).

Вероятностное суждение о наступлении ожидаемого события высказывается преимущественно «в тех случаях, когда это событие в данных условиях объективно возможно» [1, с. 84]. Таким образом, соотношение вероятности с объективной возможностью осуществления/неосуществления события необходимо, иначе вероятность останется только субъективным мнением, не подкрепленным объективным положением дел в действительности. При анализе высказываний со значением сомнения речь идет в том числе и о степени обоснованности вероятности говорящим, которая соотносится со степенью уверенности субъекта в сообщаемом.

Кроме возможности и вероятности, в коммуникативно-прагматической квалификации события оказывается задействованным и авторское предположение. Последнее выступает как концептуальная база для сомнения. Отметим, что предположение всегда исходит из возможности. Предполагать можно то, что является возможным или невозможным, что потенциально осуществимо либо неосуществимо. Таким образом, связь предположения, возможности и вероятности налицо. Но предположение в отличие от возможности всегда субъективно. Оно преломляется исключительно через «я» индивида, в то время как возможность зависит не только и не столько от субъективного фактора, сколько от условий, которые существуют вне данного фактора в объективной реальности. Таким образом, предположение – основа для реализации сомнения. Второе без первого невозможно, в то время как первое без второго эксплицируется достаточно часто: – *Ну, прощайте, други... Засиделись мы у вас – и вам, **чай**, надоели* (И. Тургенев); – *Хе-хе... Мечтай, Илька! Чего не бывает на свете! **Авось** все, что я говорю, правда!* (А. Чехов).

Сказанное необходимо конкретизировать применительно к языковым реализаторам авторского сомнения в высказывании. Например, частицы *вряд ли*, *едва ли*, функционирующие в высказывании в первую очередь для актуализации собственно смысла «сомнение», репрезентируют, как правило, большую степень уверенности говорящего в сообщаемом, чем частицы, скажем, модально-предположительной группы (*чай*, *авось*, *небось* и др.). Частицы *едва ли*, *вряд ли* употребляются, как правило, в таких суждениях, которые базируются на владении говорящим какой-то долей информации – либо достоверной, либо приближающейся к достоверной: *Эзоповская, рабья речь **едва ли** когда-нибудь будет еще звучать таким зыбким трагизмом* (И. Анненский); *Могу только сказать, что, если бы он был не виноват, **едва ли** он стал бы возиться с этой историей всю жизнь* (В. Каверин); *-Наступит кризис. Сэр Фредерик **едва ли** доживет до завтрашнего вечера* (Р. Штильмарк). Собственно предположительные частицы допускают употребление в чисто предположительных суждениях, содержащих в основе равную возможность допущения говорящим противоположных результатов осуществления события в действительности: ***Поди** еще одумается, негодник, – **прямиком** объявила бабушка* (журн. текст). Избыточно же предположительные частицы (*едва ли не*, *вряд ли не*, *чуть ли не*) отражают наиболее высокую степень вероятности проявления однозначно трактуемого результата события: *Между тем мы идем с тех пор **чуть ли не** двенадцать дней* (В. Обручев); *Они, как злые духи, издеваются над нами, хохочут до истерики, визжат, свистят и **едва ли не** ругаются* (В. Каверин).

В высказываниях, где выражено сомнение, всегда имеется некая доля возможности, вероятности и предположительности, однако последняя не превалирует, так как интенция говорящего заключается не столько в том, чтобы предположить об описываемом, сколько в том, чтобы выразить сомнение в достоверности или недостоверности факта, в истинности чего-либо, актуализировать ретушированность, некую спорность проблемы, нерешительность или колебание, возникающее при необходимой для говорящего квалификации события: *Ты **вроде** уже говорил мне об этом* (В. Шишков); – *Она прежде была испорчена и на голоса крикивала, да, верно, ей это прошло. – Не знаю, – говорю, – что **будто** и не слышно, не кричит* (Н. Лесков); *Как вдруг из распросов сиделки, Покачавшей головой, Он понял, что из переделки **Едва ли** выйдет он живой* (Б. Пастернак); –

*Ну, а почему бы и нет?.. – Да **неужели?*** (В. Шукшин). В результате высказывания, выражающие сомнение, активно смещаются к смысловому полюсу отрицания. Это логически оправданно: чем большая доля авторского сомнения фиксируется в высказывании, тем более последнее в семантическом аспекте приближено к обозначенному полюсу. В то же время с отрицательными подобными высказывания не смыкаются. Возможность осуществления факта хотя и подвергнута говорящим сомнению, однако не отрицается полностью. На это у автора либо нет достаточных оснований, либо, напротив, имеются особые причины, препятствующие нейтральной утвердительной или отрицательной констатации. Отрицания не происходит даже в том случае, когда в высказывании выражена глубокая степень сомнения, как правило, базирующаяся на знании говорящим объективных обстоятельств, на основе которых и возникает его субъективное мнение: – *Ты помнишь меня, мальшка? – спросил он. – Хотя **вряд ли**: тебе было всего три года, когда я был у вас в последний раз* (А. Волков); *Как уже случалось раньше, он **едва ли** придет* («Комсомольская правда»).

Проблема осведомленности актуализирует аспект обоснованности сомнения. Как языковая, так и внеязыковая мотивация степени осведомленности субъекта может служить базой для градации оттенков сомнения, диапазон которых достаточно обширен – от логически обоснованного сомнения до сомнения необоснованного, случайного. В то же время даже при поверхностном анализе проблемы выясняется, что логически обоснованное, «подкрепленное» сомнение, никогда не может быть приравнено к отрицательной констатации факта. Дистанцирование от ответственности за фактичность высказываемого дает говорящему право «синтаксически дипломатично» квалифицировать результат ситуации: ***Вряд ли** есть вообще что-либо достойнее, чем стремление совершенствовать свой дух, увековечить себя в труде, в творениях своих* (О. Гончар); – *Ага...**Так... Чай**, теперь все пошло по-новому, не так, как при нас было* (А. Чехов); – *Ну вот, – сказал Дик, – **вроде** замотал я тебя сносно* (К. Булычев).

Выделение смысла «сомнение» ориентирует на учет не только лингвистических, но и суперлингвистических факторов. В этом аспекте формальные языковые элементы характеризуются как показатели, отражающие лишь начальный стимул для актуализации квалификативного смысла, далее конкретизируемого подключением средств других уровней, в первую очередь контекстуального и интонационного. Как следствие этого, возникает множество переходных ступеней и довольно большое количество высказываний, в семантике которых трудно однозначно дифференцировать наличие неосложненного смысла «сомнение», фиксируемого формальным языковым элементом. Кваликативные смыслы часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавное наложение одного смысла на другой, совмещение их: *Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, **вряд ли** кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует* (Н. Гоголь); – ***Небось** и не придет больше, – терзался сомнениями сосед* (Ю. Тупицын); *Но **вряд ли** вам, Аристарх, удастся быстро отыскать узел пересечения, даже если он существует* (В. Головачев); *И **вряд ли** мне удастся достичь совершенства* (Ю. Тупицын); *Но **едва ли** он видел эти узоры* (В. Головачев).

Одним из дифференциальных критериев, думается, может служить параметр обоснованности мнения, на который ориентируется говорящий при построении модально-кваликативного высказывания (Ср.: *Все-таки когда-нибудь счастливой **Разве** ты со мною не была?* (А. Блок) – сомнение, осложненное желательностью; *Скептики на это замечали, **мол, как бы** не случилось непоправимого* (Е. Носов) – сомнение, осложненное опасением; *Он **вряд ли** мог мечтать о таком развитии события* – сомнение, осложненное возможностью; *Действительно, он **едва ли** сможет вовремя вернуться* – сомнение, осложненное акцентированным подтверждением. При этом должен быть учтен фактор, что структура персуазивного смысла сложна. Редким исключением являются случаи, когда персуазивный смысл, в том числе и смысл «сомнение», выступает в своем неосложненном варианте. Осложнения, образуемые коннотативными, текстовыми наслоениями, разного рода оценочными и авторизационными факторами, прагматически обусловленными и оправданными, – все это подводит к тому, что сфера общего квалификативного

смысла высказывания в тексте должна исследоваться системно и поэтапно, с коммуникативно-прагматических позиций.

Выводы

Комплекс актуализированных проблем позволяет утверждать, что универсальность сомнения как квалификативного смысла концептосферы индивида базируется на универсальности ментальной операции сомнения, логически обоснованной, связанной с факторами субъекта и адресата, обусловленной данными факторами, имеющей прямое отношение к ситуации сомнения, языковой и концептуальной картина мира социумов, сферам ментальности и оценки. Данная проблема интересна по своей сути и требует специального изучения. Модально-кваликативные смыслы, в частности явившийся предметом нашего внимания смысл «сомнение», являются важными составляющими концептосферы индивида. В ментальном и коммуникативном процессах они характеризуются как динамичная, развивающаяся система, предназначенная для решения поставленных перед говорящим задач. Тем не менее фактор необходимой иерархизации смыслов, их упорядочивания и систематизации при исследовании концептологического аспекта проблемы, несомненно, должен иметь место. Дальнейшее детальное исследование блока модально-кваликативных смыслов, обслуживающих особую, специфическую область ментально-информационного пространства индивида, представляется перспективным.

Список литературы

1. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
2. Философский энциклопедический словарь / Ред.: Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
3. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 382 с.
4. Целищев В. В. Философские проблемы семантики возможных миров. – Новосибирск: Наука, 1977. – 191 с.
5. Хинтика Я. Логико-эпистемологические исследования. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.
6. Аристотель. Собрание сочинений. В 4-х томах. - Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 687 с.
7. Геворкян Г. А. Вероятное и достоверное знание. - Ереван: Изд. АН АрмССР, 1965. – 203 с.

DOUBT AND ITS REPRESENTATION IN RUSSIAN

I. A. Nagorny

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

The article considers the nature of doubt in the conceptual sphere of the individual. The author analyzes the communicative-pragmatic situation of doubt and the means of its representation in the Russian language, as well as modal-qualification meanings in statements to the persuasiveness particles. It is shown that the universality of doubt as qualification sense in the personal conceptsphere is based on the universality of mental operations of doubt directly related to the linguistic and conceptual worldviews of the societies. The meaning of "doubt" is characterized as a dynamic system for solving the urgent problems before speaking.

Keywords: challenge, communicative-pragmatic situation, the modal-qualification meaning, conceposphere, particles.